

ТЕАТР, ОПОРТУНИСТЫ И ДИССИДЕНТЫ

Будем ли мы ходить в театр? А может, театр станет тем местом, где жены богатых людей захотят продемонстрировать свои драгоценности, меха?

С **Ионасом Вайткусом**, главным режиссером Вильнюсского академического театра драмы, мы беседовали накануне премьеры оперы «Божий агнец». Как неисповедимы пути господни, так нелегко понять и метаморфозы Ионаса Вайткуса. В годы застоя он создавал спектакли, за которые его обвиняли в том, что он смакует одни лишь пороки нашего славного общества, раздражала вызывающая форма. Неожиданно сегодня он вернулся к своему старому замыслу: ставит поэтический спектакль «Божий агнец». Сегодня, когда все можно?

- Жестокий, острый театр, - говорит И. Вайткус, - был единственным средством обратить внимание на определенные проблемы, а не просто развлекать зрителя. Некоторые священные понятия, слова были настолько растоптаны, что

никто им не верил. Нужно было кричать с пеной у рта, чтобы быть услышанным.

- Вас обвинили в том, что ваши спектакли развращают молодежь.

- Обвинили политические ханжи, любящие покой

чиновники и ретивые педагоги.

- Мы пережили тогда бум культуры?

- Не было никакого бума. Люди жадно читали, ловили

(Окончание на стр. 6)

(Окончание. Нач. на стр. 1)

каждое свободное слово, бежали в театр. Но все это от отчаяния, от духовного голода. Искусство истерически бросалось то в эстетство, то в политику. Однако это был неестественный процесс, а так называемый бум - последствия болезненных идеологических конвульсий. Надо было выжить, чтобы сердце не застыло.

- Куда девался зритель-энтузиаст?

- Он есть. Только сейчас у него нет времени для театра. Сейчас вокруг хватает театра. Раньше как... Сидят, бывало, в президиуме или в ЦК каких-нибудь тридцать «фабрик» органических удобрений и почти не шевелятся, переваривают. Вся кровь - в конечности, мозгу и сердцу она тогда не требовалась. Наш зритель, устав от театра жизни и вульгарной журналистики, вернется.

- Истинная культура переживает шок?

- Истинная культура никогда не переживает шока, так как ее эволюция происходит не одновременно с сегодняшней газетой, с капризами идеологии или гарионской толпы, а на другом уровне сознания.

- Прежде мы жили под диктовку идеологии. Не боитесь ли вы теперь диктата потребительского общества?

- И теперь останется идеология, только еще неясно какая? Потребительское общество пожелает диктовать свой вкус театру, как и прежде, у театра будет свое противоудие. Мы не убежим от мещанской культуры. Она существовала и в сметоновской Литве. Но театр никто и никогда не сможет приручить.

- В Восточной Европе достаточно было произнести самую невинную фразу, например, «я не могу так дальше жить», как зрители начинали аплодировать.

- Аплодировали и нам, особенно на «Короле Убе», «Кинге», «Уроках литературы». Театр в те времена обжал социальные болячки. Некоторые делали это специально, так как искали способ воздействия на чувствительные места.

- Т. Венцлова недавно попытался подразделить наших деятелей искусства на диссидентов и оппортунистов. К последним, пожалуй, отнес бы и вас: вы были главным режиссером театра, карьера успешно складывалась и в театре, и в кино.

- Я бы не сказал, что успешно.

Никогда не чувствовал себя членом партии, всегда имел с ней проблемы, несколько раз исключали. Но я и не просил, чтобы меня приняли, в армии записали, не просил и чтобы вычеркнули.

Я хочу спросить: а те тысячи людей, которые дежурили днем и ночью, могли быть раздавлены или расстреляны, - они оппор-

ТЕАТР, ОПОРТУНИСТЫ И ДИССИДЕНТЫ

тунисты? А может быть, защищать нашу свободу и честь сдехались эмигрировавшие диссиденты? Еще не доводилось слышать, чтобы оппортунист был склонен жертвовать собою! В диссидентской жизни проявлений оппортунизма предостаточно, как и в нашей, оппортунистической, - диссидентских поступков, которые обусловили нашу сегодняшнюю ситуацию. Все сложнее. Это моральная сфера, где никто не может быть ни судьей, ни подсудимым.

- Оставил ли в вашем сердце осадок конфликт в Каунасском театре?

- Не было никакого конфликта. Они сделали выбор, и я тоже. Мог бы остаться, но мне пришлось бы принять жесткие меры, одних уволить, приглашать других, делать болезненные инъекции. А кому это нужно? Разве можно продолжать ставить спектакли с людьми, живущими страхом и ненавистью. Я не плюнул, не хлопнул дверью... Оставил людей своим путем, избрав такой способ существования, какой им близок.

В театре невозможна демократия, театр - это жесткая дисциплина, это жесткий аскетизм, и иным он не будет.

- Вы конфликтная личность?

- Только гладить невозможно. Конфликт нужен как своего рода раздражитель, чтобы люди не начали чувствовать себя не слишком большими, не слишком красивыми, чтобы они начали жить реальностью, здесь и сейчас, а не вчера и завтра, былыми и будущими достижениями.

- Стрелер прогнал актрису, которая прибавила несколько килограммов...

- Если балерина прибавляет в

весе, то как она будет танцевать? Чем отличается актер, чем отличается музыкант? Наши актеры стригутся, когда хотят, красятся, когда хотят, толстеют, когда хотят. В зависимости от своей внутренней развращенности. Знаю мало таких актеров, которые живут, дисциплинируя себя: Сталилюнайте, Адомайтис, Пяулокас, Янушаускайте. Светлой памяти Киселюс и Бабкаускас. Некоторые мои первые ученики. Но сколько это стоит! Это непрерывная повседневная борьба со своими слабостями, желаниями, соблазнами, отмежевание от семьи, от друзей. Это страшная, но сладкая жизнь. Сам себе говоришь: обязан - и выполняю. Те, кто не говорит себе этого, заставляют меня стать деспотом. Тогда говорят: Вайткус невыносим.

- Вы полгода преподавали в Бостоне, в колледже Эмерсона. Каковы различия в отношении к профессии?

- Люди платят за учебу деньги, поэтому они выжимают из себя и преподавателя все. Если для работы отведено два часа, они будут использованы с максимальной интенсивностью. А здесь нужно просить, заставлять. Большинство не понимает, что труд закаляет волю и шлифует сознание.

Беседовала
И. ИОНУШАЙТЕ